

НАГРАДЫ РОССИИ ЗА ЗАСЛУГИ В БОРЬБЕ С ЧУМОЙ (XVIII - НАЧАЛО XX ВВ.)

Наградные и памятные медали России за заслуги в борьбе с чумой

Чума¹, этот страшный бич народов, веками губивший бесчисленное количество людей, известна человечеству с древнейших времен.

В истории отмечено несколько опустошительных пандемий (т.е. эпидемий, охватывающих ряд стран) чумы. Первая пандемия, вошедшая в историю под названием «юстиниановой чумы», возникла в VI веке в Восточной Римской империи и охватила многие страны. Она продолжалась около 50 лет и унесла в Египте, Сирии, Малой Азии и Европе около 100 миллионов человек.²

Вторая пандемия (т.н. «черная смерть») началась в XIV в. Проникнув из Азии в Северную Африку и Европу, чума быстро распространилась по всему континенту. Во время этой пандемии в Европе погибло около 24 миллионов человек, а в Китае – 13 миллионов человек.³

После этой пандемии чумные эпидемии не прекращались в Европе в течение четырех столетий.

Третья пандемия чумы возникла в конце XIX века. Появившись в 1894 году на острове Гонконг (в Южно-Китайском море), она стала быстро распространяться корабельными крысами, что привело к возникновению эпидемий более чем в 100 портах многих стран.

Первые достоверные сведения о чуме в России относятся к 1090 году, когда в Киеве погибло около 9 тысяч человек.⁴ В средние века чумные эпидемии в России вызывали колоссальные жертвы.

Анализируя масштабы этих эпидемий историк Н.А. Богоявленский приводит ужасающие цифры, почерпнутые из летописей. Даже если сомневаться в них, описание «скудельниц» - общих могил красноречиво свидетельствует об огромных людских потерях.

Так, в 1230 году в Смоленске разразилась страшная эпидемия:

«... бысть моръ въ Смоленьске; сотвориша 4 скудельници, въ дву положиша 16000, а въ третьей 7000, а в четвертой 9000; се же зло бысть по два лета».⁵

Болезнь продержалась два года.

В 1237 году в Пскове и Изборске мор выкосил большую часть населения. Чтобы успеть вовремя похоронить умерших, при церквях вырывали братские могилы, в которых одновременно хоронили 7-8 умерших.

Нередко распространение чумы было связано с войнами. Чума, возникнув в войсках, передвигалась вместе с ними, распространялась на население.

В Пскове и Изборске в 1341 году во время захвата западных русских земель «ратью Ньметцкою» эпидемия поразила все слои населения. Болезнь была одинаково смертельной для взрослых и для детей.

Пандемия чумы XIV века тесно и роковым образом связана с монголо-татарским нашествием. Чума вспыхнула в Кафе⁶, после того, как осаждавшие город ордынцы стали забрасывать через стены метательными орудиями трупы своих воинов, умерших от эпидемии.

Возможно, подобный способ монголо-татары использовали и раньше - при завоевании древнерусских городов. Ареал обитания кочевников включал в себя природные очаги чумы, и они отчетливо себе представляли пути заражения ею.

Сильный мор охватил всю территорию Золотой Орды (Астрахань, Сарай, Бельджамен, Хорезм, Крым) и распространился на страны Западной Европы после того, как европейцы, покинувшие Кафу привезли заразу в Геную, Венецию и другие порты Средиземноморья. Так началась самая крупная в истории человечества пандемия чумы названная «черной смертью».

На территорию нашей страны чума проникла в 1352 году. Сначала она появилась в Пскове, а уже в августе того же года эпидемия разразилась в Новгороде. Затем чума проникла в Ладогу, Суздаль, Смоленск, Чернигов, Киев и распространилась по всей Русской земле. Известно, что в некоторых городах население вымерло полностью, например в Глухове и Белоозере. Яркие следы этих жестких эпидемий имеются в древних летописях.

Начиная с 1352 года, чума до XVII столетия часто посещала территорию нашей страны. По-видимому, вспышки чумы начинались в природных очагах болезни, а распространялись по Русской земле с началом войн или при торговых контактах. Большинство чумных эпидемий в этот период заносилось в страну с запада, и первым городом, который страдал от этой напасти, являлся Псков.

В XVIII веке чума также неоднократно появлялась в России. Почти все эпидемии чумы этого столетия были занесены в Россию из Турции. Благоприятным моментом для этого служили войны России с Турцией. Так, чумная эпидемия 1770-1773 годов, поразившая Россию в период русско-турецкой войны 1768-1774 годов была одной из самых тяжелых и распространенных в России, унесшей только в Москве и Московской губернии за год около 200 тысяч человек.⁷

С этой эпидемией связано появление двух очень редких персональных медалей: в честь барона Е.Ф. Аша и в честь графа Г.Г. Орлова «За избавление Москвы от язвы (т.е. от чумы) в 1771 году».

Медаль в честь барона Е.Ф. Аша

В конце 1768 года Турция, подстрекаемая Францией и Австрией, объявила войну России. Военные действия России против Турции начались в 1769 году.

На русско-турецкий театр военных действий Россия выставила две армии и несколько отдельных крупных отрядов (корпусов). Командование 1-й, главной армией, предназначенной для наступления было возложено на генерал-фельдмаршала князя А.М. Голицына, а 2-й, вспомогательной армией, предназначенной для оборонительных целей, на генерал-аншефа графа П.А. Румянцева.

В апреле 1769 года 1-я русская армия перешла Днестр и вторглась в Молдавию. По плану, составленному Военным советом при высочайшем дворе, главный удар наносился на Хотин, что отражало ограниченные цели наступления. Предложенный П.А. Румянцевым план наступления не на Хотин, а на Очаков имел более решительные цели, но был отвергнут. Кампания 1769 года благодаря крайне вялым действиям А.М. Голицына велась нерешительно, с неоправданной, чрезмерной осторожностью, хотя Хотин и был взят.

Осенью 1769 года произошла смена командующих армиями. Неспособность А.М. Голицына была слишком очевидна. Он был отозван в Санкт-Петербург и на его место назначен генерал-аншеф П.А. Румянцев. Командующим 2-й армией стал генерал-аншеф П.И. Панин.

Как только П.А. Румянцев принял командование 1-й армией, сразу же были развернуты наступательные действия крупными передовыми отрядами с целью создания благоприятной обстановки для последующих действий главными силами. В конце сентября 1769 года русскими войсками были заняты Яссы, а в начале 1780 года – Галац и Фокшаны.

Еще до взятия Фокшан ходили слухи, что в этом городе свирепствует чума. Враждебные России газеты предрекали русскому воинству гибель от нее.

При движении армии П.А. Румянцев старался, по возможности, избежать зараженных мест. По измененному в результате санитарно-эпидемиологической разведки маршруту был организован «подвижной карантин» - особая команда, которая следовала в полуверсте от арьергарда в полной изоляции (пищу получали через передаточные пункты). В колонне, которая была окружена цепью конных разъездов, не допускавших контакта с местным населением и командами, прибывающими из неблагополучных по чуме районов, ежедневно проводился осмотр личного состава. Выявленные больные немедленно оцеплялись охранением и изолировались в «подвижной карантин».⁸

Императрица Екатерина II писала П.А. Румянцеву: «Ваше усердие и ревность меня удостоверяют в том, что вы, конечно, такие меры примите, чтобы оказавшееся в некоторых местах поветрие (т.е. чума – Г.К.) со всевозможною предосторожностью пресечено было и войско бы никакого вреда от того не почувствовало».⁹

Несмотря на предосторожности, эпидемии избежать не удалось. Вместе с победными реляциями, приходившими с театра военных действий, скоро стали поступать секретные донесения о возникших в войсках заболеваниях. В победоносной русской армии началась чума.

Смерть настигала солдат и офицеров на вторые-четвертые сутки после появления первых признаков болезни.

На пути распространения чумы встали врачи. Они убеждали командование и чиновников военного ведомства в необходимости принятия срочных мер для ограждения войск от очагов чумы среди населения занятых территорий, устройства полевых госпиталей и лазаретов, просвещения населения. Они шли к обреченным и выполняли свой профессиональный долг до конца, порой и до смертного часа.

Борьбу с чумой на берегах Дуная возглавлял доктор Генерального штаба барон Егор Федорович Аш.

Он родился 12 апреля 1729 года в Санкт-Петербурге, где его отец, выходец из Германии, находился на гражданской службе. Е.Ф. Аш изучал медицину в Геттингене, в 1750 году получил степень доктора медицины. Вернувшись в Россию в 1752 году, он поступил на службу доктором в армию.

В 1762 году его отец «с нисходящим потомством» был возведен римским императором в баронское достоинство, которое в 1763 году императрица Екатерина II «всемилоостивейше разрешила ему принять».

В 1763 году барон Е.Ф. Аш был назначен членом медицинской коллегии.

Он являлся членом Комиссии по составлению проекта Нового Уложения (свода законов), которая начала свою работу в Москве 30 июня 1767 года.

Е.Ф. Аш активно выступал за введение в России оспопрививания.

12 октября 1779 года Академия наук избрала его своим почетным членом. В 1802 году он был назначен деканом Медицинского Совета.

В честь него в 1770 году на Санкт-Петербургском монетном дворе была отчеканена медаль (Рис. 1).

На лицевой стороне медали – погрудное, вправо обращенное, изображение барона Аша в парике, с шейным овальным знаком в виде медали, учрежденным императрицей Екатериной II в 1767 году для депутатов Комиссии по составлению проекта Нового Уложения, чтобы «...члена Комиссии об Уложении узнать можно было...».¹⁰

По кругу медали надпись: «GE • L • B • DE ASCH S • C • M • ROSS • A CONSIL • STATVS P». Под обрезом плеча подпись медальера Иоганна Бальтазара Гасса: «GASS.».

На оборотной стороне медали изображение стоящей греческой богини здоровья Гигиен с посохом в левой руке и подающей правой рукой чашу змее, обвивающей треножник Аполлона. По верхнему полукругу медали надпись: «LIBERATOR A PESTE». Внизу, под обрезом медали горизонтальная надпись в три строки: «IN BELLO TVRCICO = AD ISTRVM = MDCCLXX».

Изображение на медали греческой богини здоровья Гигиен с чашей, из которой она кормит змею – самое распространенное. Обратимся к символике ее атрибутов.

Змея – одна из древнейших эмблем человечества, имеющая разнообразный смысл в разных странах. Наиболее часто трактуется как эмблема мудрости. В Греции змея является священным животным богини мудрости Афины. Есть изображения Афины в образе Гигиен, и наоборот, на некоторых монетах найдены изображения Гигиен с атрибутами Афины.

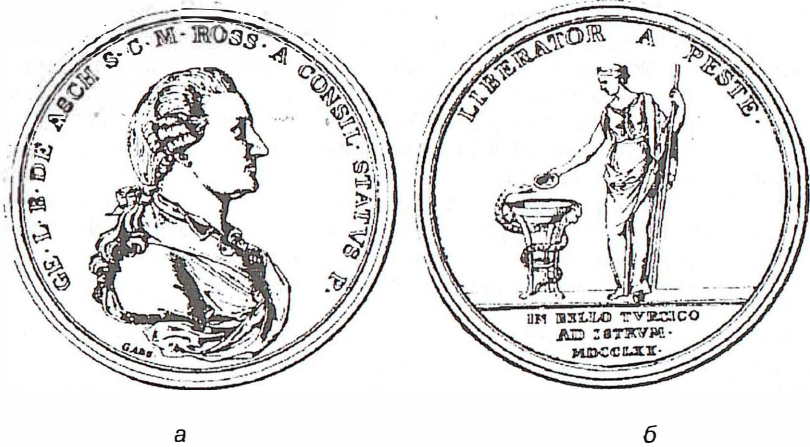

Рис. 1
Медаль в честь барона Е.Ф. Аша (1770 г.):
а - лицевая сторона; б - оборотная сторона

Статуя Афины – Гигиен, найденная в асклепийоне (лечебнице при храме) афинского Акрополя, олицетворяет принцип справедливой войны за здоровье как свет и гармонию на всех планах. И если ее отец, бог медицины Асклепий начинает действовать, когда порядок нарушен, то Гигиен поддерживает порядок – закон, который царит первоначально.

Змея символизирует также и очищение. Подобно змее, которая сбрасывает старую кожу, человеку необходимо отбрасывать старую, закосневшую личность и возрождаться новым и чистым существом. Яд змеи может быть лекарством, а может нести смерть. С этим связан один из основных принципов медицины – мера.

Чаша представляет сосуд с исцеляющими средствами природы в широком смысле этого слова. В античной мифологии боги пили из чаши напиток бессмертия. Греческая чаша без ножки, фиал, использовалась в

различных ритуалах. Именно с ней обычно изображалась Гигиеня. Она изготавливалась из дорогих металлов и украшалась изнутри изображением лепестков лотоса, символа жизни.

История появления медали в честь барона Е.Ф. Аша – одна из загадок русского медальерного искусства, над разрешением которой бились исследователи и коллекционеры не один десяток лет. Ими высказывались следующие предположения: а) медаль была отчеканена по повелению императрицы Екатерины II; б) медаль была поднесена доктору Ашу полковыми врачами; в) медаль была изготовлена самим бароном Ашем.

Так, Юлий Багдановский Иверсен, страстный коллекционер и исследователь русских медалей, занимавший в 1879-1900 годах должность старшего хранителя нумизматического отдела Императорского Эрмитажа в своей работе «Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц», изданной в 1880 году, описав эту медаль, не дает, однако однозначного ответа как она появилась. Он отмечает, что она «... была выбита в честь его (барона Аша – Г.К.) или по приказанию Императрицы, или по желанию полковых врачей...».¹¹

Высказывая первую версию, он ссылается на «Жизнеописание Императрицы Екатерины II», вторую – на «Собрание Русских Медалей». Здесь же он замечает: «На каких основаниях в Словаре русских гравированных портретов... сказано, что эта медаль сделана самим Ашем в свою честь, мне не известно».¹²

М.Ю. Гаршин в «Опыте указателя нумизматической литературы» упоминает статью, напечатанную в «Санкт-Петербургских Ведомостях» за 1860 год, в которой приводятся сведения, подтверждающие третью версию появления этой медали. По данным автора статьи «... медали, вычеканенные в числе двух серебряных и шести бронзовых – были уничтожены повелением Императрицы Екатерины II «как выбитые самим Ашем без Высочайшего разрешения...».¹³

По мнению В.Г. Рихтера, знатока и коллекционера русских медалей «...та же участь несомненно постигла и штемпели этой медали...».¹⁴

Медаль Г.Г. Орлову «За избавление Москвы от язвы в 1771 году»

Чумная эпидемия 1770-1773 годов застала, если так можно выразиться, Россию врасплох. Вследствие полного отсутствия санитарного законодательства и крайне неудовлетворительного благоустройства русских городов, чума не встретила нигде отпора и разлилась широкою волною по России.

Появившись в начале 1770 года в Молдавии и Валахии, где она унесла большое число жертв из русской армии, чума проникла в Польшу, Подолию и Украину, появилась в августе 1770 года в Киевской, Новороссийской и Белгородской губерниях и в самом Киеве, угрожая отсюда центральным губерниям России.

Наспех организованные заставы и кордоны оказались бессильными против распространения чумы. Осенью 1770 года чума доходит до Севска и Брянска, а в ноябре того же года появляется в Москве, где первые случаи заболевания «моровой язвой», как тогда называли чуму, были отмечены на Суконном дворе. Источником заразы явилась, как говорили, привезенная из Турции шерсть. Доктора приняли страшную болезнь за простую горячку и не придали ей большого значения.

Чума стала распространяться по Москве с неимоверной быстротой, поражая прежде всего городскую бедноту и рабочих людей мануфактур, скученно живших и трудившихся в антисанитарных условиях. Положение усугублялось грубым произволом городских властей и формально – полицейскими мерами в борьбе с чумой генерал-губернатора графа П.С. Салтыкова и сенатора генерал-поручика П.Д. Еропкина, специально присланного в Москву для «попечения о здравии города и охранения его от прилипчивых болезней».¹⁵

Население Москвы больше, чем сама чума, пугали устроенные в некоторых монастырях карантинные дома, в которые направлялись как явные, так и сомнительные больные чумой на срок от 20 до 40 дней. Больные оставались в них без присмотра и питания.

По распоряжению Сенатской конторы и генерал-губернатора Москвы графа П.С. Салтыкова были закрыты все торговые бани для простого народа, «дабы в случае кроющейся где-нибудь по городу заразы не могла она таким тесным и ближайшим прикосновением, каково в банях бывает, более сообщена быть».¹⁶ Это распоряжение находилось в противоречии со всеми правилами предохранения от моровой язвы, в которых рекомендовалось содержать себя в чистоте.

Все, кто мог уехать из Москвы, воспользовались этой возможностью.

Ее покинули помещики с семьями, богатые купцы, уехав в свои дальние или подмосковные имения, оставив своих дворовых людей в Москве без продовольствия и врачебной помощи на произвол полиции.

Рабочие люди мануфактур голодные бродили по улицам без работы, так как по распоряжению правительства многие мануфактуры были закрыты, а на тех мануфактурах, которые продолжали работать, все вольнонаемные рабочие подлежали увольнению и выезду из Москвы. Крепостных же рабочих строго-настрога запрещалось выпускать с фабрик. Не легче было положение ремесленников и мелких торговцев. Ремесленники не могли сбывать свои изделия из-за карантина, а цены на съестные припасы быстро росли.

Правители Москвы, запершись в своих домах, отдали население на произвол полиции, которая, по словам современника Болотова, «... занималась единым только выволакиванием крючьями из домов зачумелых и погибших от заразы, вываживанием их за город и зарыванием в большие ямы...».¹⁷ Но и это делала не сама полиция, а «мортусы» - осужденные колодники, одетые в вошаное платье с дырами для глаз и рта. Они врываются в дома и тащили умиравших в ямы, а больных – без разбора в карантинны.

Голод, безработица, моровая язва, бюрократизм и произвол полиции обрекали трудовое население Москвы на вымирание. Народ чувствовал полное безразличие со стороны тех, кто должен был заботиться о благосостоянии города. Все это вызвало среди московского населения сначала недовольство, а потом открытый бунт, вошедший в историю как «чумной». Три дня (с 15 по 18 сентября 1771 года) на улицах шли бои. Во время бунта толпой был убит архиепископ Московский Амвросий. Бунт был подавлен с помощью регулярных войск, срочно вызванных в Москву сенатором П.Д. Еропкиным.

Чтобы не допустить новых волнений, П.Д. Еропкин принял решительные меры. По всему городу были расставлены караульные, конные разъезды не допускали сборищ народа на улицах и площадях.

Чума между тем продолжала свирепствовать в Москве. Общая смертность за сентябрь достигла колоссальных размеров и составила 21401 человек.¹⁸ 19 сентября 1771 года в Санкт-Петербурге на заседании Совета при высочайшем дворе было принято решение об отправке в Москву для борьбы с чумой «доверенной особы». Эта ответственная задача была возложена на генерал-фельдцейхмейстера и генерал-адъютанта графа Г.Г. Орлова.

Григорий Григорьевич Орлов родился 17 октября 1734 года и был вторым сыном в семье генерал-майора Григория Ивановича Орлова, старого служки, бывшего некоторое время губернатором Новгорода.

Рис. 2.
Г.Г. Орлов

В 1749 году Г.Г. Орлов поступил на военную службу, участвовал в Семилетней войне 1756-1763 годов, где 14 августа 1758 года в сражении при Цорндорфе получил три ранения, после чего вернулся в Санкт-Петербург и продолжил службу в артиллерии.

28 июня 1762 года, когда Григорию Орлову было не полных 28 лет, он вместе с братьями Алексеем и Федором, стал одним из активных участников дворцового переворота, в результате которого был свергнут император Петр III и на Российский престол взошла его 33-летняя жена Екатерина II.

Григорий Орлов, сопровождавший в тот напряженный день императрицу, произвел на нее неизгладимое впечатление и очаровал ее своей внешностью, смелостью, решительностью и стал ее «любимцем». После государственного переворота, императрица Екатерина II возвела своего фаворита в графское Российской Империи достоинство, он стал действительным камергером двора, кавалером ордена Святого Благоверного князя Александра Невского, генерал-адъютантом. В 1763 году она возложила на него высший орден Российской Империи – орден Святого Апостола Андрея Первозванного. Вскоре императрица назначила его генерал-директором инженеров, шефом кавалергардов, подполковником лейб-гвардии Конного полка. В последствии он был возведен в чин генерал-аншефа (полного генерала).

С 1765 года он генерал-фельдцейхмейстер (начальник артиллерии) всей российской армии.

Г.Г. Орлов фактически в тот период стал первым лицом в государстве и был самым близким советником императрицы. Поэтому, выбор императрицы Екатерины II отправить в Москву для борьбы с чумой Г.Г. Орлова, был не случаен.

В некоторых исторических источниках утверждается, что граф Г.Г. Орлов был послан в Москву для усмирения бунта. Это не соответствует истине. Во-первых, Ф.А. Дербек, исследовавший этот вопрос, отмечает, что «... императрица узнала о бунте лишь 23 сентября, а Орлов выехал из Петербурга 21-го; на пути (22 сент.) он узнал о бывшем в Москве мятеже».¹⁹ Во-вторых, 21 сентября 1771 года был обнародован манифест «Об отправлении Графа Орлова в Москву для употребления всевозможных мер к пресечению заразительной болезни». Название манифеста опровергает все домыслы по поводу цели отправки графа Г.Г. Орлова в Москву. Для большей убедительности приведем текст манифеста, в котором изложены мотивы отправки графа Г.Г. Орлова в Москву и возложенные на него задачи. «Видя прежалостное состояние Нашего города Москвы, и что великое число народа мрет от прилипчивых болезней, - отмечается в манифесте, - Мы бы Сами пешешно туда прибыть за долг звания Нашего почли, если бы сей Наш поход, по теперешним военным обстоятельствам, самым делом за собою не повлек знатное расстройство и помешательство в важных делах Империи Нашей. И тако, не могли делить опасности обывателей, и Сами подняться отсель, заблагорассудили Мы туда отправить

особу от Нас поверенную с властью такую, чтоб по усмотрению на месте нужды и надобности мог делать он все те распоряжения, кои ко спасению жизни и к достаточному прокормлению жителей потребны. К сему избрали Мы, по Нашей к нему отменной доверенности и по довольно известной его ревности, усердию и верности к Нам и Отечеству, Нашего Генерал-Фельдцейхмейстера и Генерал-Адъютанта Графа Григорья Орлова, уполномочивая его поступать во всем так, как общее благо того во всяком случае требовать будет, и отменять ему тамо то из сделанных учреждений, что ему казаться будет или не вместно, или не полезно, и вновь устанавливать все то, что он найдет поспешествующим общему благу: в чем во всем повелеваем не токмо всем и каждому его слушать и, ему помогать, но и точно всем начальникам быть под его повелением, и ему по сему делу присутствовать в Сенате Московских Департаментов; прочия же Присутственные и казенные места имеют исполнять по его требованию. Запрещаем же всем и каждому делать какое либо препятствие и помешательство как ему, так и тому, что от него повелено будет; ибо он, зная Нашу волю, которая в том состоит, чтоб прекратить, колико смертных сила достает, гибель рода человеческого, иметь в том поступать с полною властью и без препоны. Приведя все в надлежащий порядок, он имеет возвратиться ко Двору Нашему».²⁰

Прибыв 26 сентября 1771 года в Москву с комиссией из восьми человек, граф Г.Г. Орлов подробно ознакомился со всем, что было сделано для пресечения заразы. Он лично осмотрел все «опасные больницы» и карантинные дома.

После совещания с врачами граф Г.Г. Орлов 30 сентября издал «Объявление» о том, «каким образом предохранять себя от заразы».²¹ Обращаясь к жителям древней столицы, граф писал: «Целый город будет со мною, уповаю я, согласен, что сие великое зло, вместо скорого пресечения, распространилось толико главнейше от того, что сперва многие, или большая часть жителей, по неведению не хотели верить, чтоб болезнь была толь зла и толь прилипчива, почитая умерших оною, умершими случайно, по неиспытанным судьбам Вышняго, так что малое число утверждавших видимую теперь всеми истину, ниже могло быть слышимо. От сего неверия произошло сперва пагубное небрежение или беспечность о самих себе; а потом приумножении зла, робость, уныние и самое отчаяние, толикож по существу и своим следствиям пагубныя...».²²

Он разъясняет населению, что нужно знать, чтобы не заразиться: «...самое главное и вещественное состоит почти в том одном, чтоб твердо знать, что яд не в воздухе, но происходит от единого к зараженному телу или каким либо вещам прикосновения, ибо твердо зная сие, знает уже каждый, что от всего зараженного или заразе подверженного, как от самой известной и видимой смерти убегать, и следовательно и во всем прочем, сколько можно, меньше сообщения и прикосновения иметь надобно.»²³

Для того, чтобы «...зараза могла скорее пресечься и претерпевающим между тем от оной подать руку помощи, и чтоб не осталось сомнения или

опасения, что и по утшении язвы, может от укрывшейся малой искры возобновиться она паче прежнего...»²⁴ граф Г.Г. Орлов учредил две комиссии: «комиссию, для охранения и врачевания от моровой заразительной язвы» и «исполнительную комиссию».²⁵

В задачу первой комиссии, которую возглавил сенатор П.Д. Еропкин, входило все то «...что к сохранению и врачеванию людей от язвы и к скорейшему сего зла пресечению принадлежать может...».²⁶

На исполнительную комиссию, которую возглавил Тайный советник Д.В. Волков, были возложены главным образом полицейские функции. Она следила за тем, «...чтоб в городе все предписываемое и учреждаемое от Комиссии предохранения и врачевания и все для пользы народа и города, сверх того сделанныя и делаемя учреждения самым делом исполняемы были...».²⁷

По свидетельству современников, приезд графа Г.Г. Орлова «имел благоприятное и одобряющее действие на москвичей». Он лично принимал участие во всем, что касалось «охранения Москвы от заразы и восстановления порядка».²⁸

Было увеличено количество карантинных домов и больниц, которые устраивались за городом на открытом месте.

Для привлечения в существующие и вновь открытые лечебные заведения врачей и низшего медицинского персонала было увеличено их денежное содержание и «дарованы разные преимущества».

Крепостные за работу в больницах отпускались на свободу. Так, в рапорте мануфактур – коллеги о получении указа Правительствующего Сената от 31 мая, за № 2734 читаем: «О бытии бывшим... во услужении больных, взятым с Большого суконного двора, фабришным Ивану Чумину с товарищи, всего пятнадцати человекам, за их понесенные труды от подданства фабрикантов свободным и о выключке от платежа их казенных податей».²⁹

Обслуживание больных в лечебных заведениях было качественным образом улучшено. Больных здесь обеспечивали бесплатным питанием, а выздоровевших при выходе из больниц снабжали одеждою и деньгами. Женатый получал 10, а холостой – 5 рублей. «Таковое награждение, а к тому частные и скорые выпуски столько действовали, что многие сами приходили объявлять свою болезнъ»,³⁰ - отмечалось комиссией в донесении императрице Екатерине II.

Как видно из расходной ведомости комиссии, всего было «...выдано в награждение выпускаемым из предохранительных домов разного звания людям 4749 руб.».³¹

Неимущим было предоставлено право хоронить своих умерших родственников бесплатно на кладбищах, перенесенных за городскую черту.

Комиссия отменила прежнее распоряжение о сожжении вещей и организовала их дезинфекцию. Были открыты торговые бани.

В Таганке был открыт дом для детей-сирот, увеличен привоз продовольствия в Москву.

Граф Г.Г. Орлов предложил сенаторам «для предосторожности о сохранении рода человеческого от прилипчивых болезней... имевшихся в здешнем городе мастеровых и ремесленных людей в необходимом случае пропитанием снабдить».³²

Больше 3000 ветхих выморочных домов было сожжено и более 6000, в которых находились больные, очищено и окурено. Из этого следует, что от чумной заразы пострадали жители более чем 9000 домов.

В борьбе с чумой Г.Г. Орлов за два с половиной месяца израсходовал 95000 рублей, в то время как П.Д. Еропкин за пять с половиной месяцев израсходовал 53000 рублей.³³

Отмена Г.Г. Орловым прежних бюрократических постановлений и проведение всех выше изложенных санитарных и других мероприятий по борьбе с чумой быстро снизили смертность в Москве.

В октябре умерло 17561 человек, в ноябре – 5235, а в декабре – 805 человек.³⁴

В начале ноября императрица Екатерина II распорядилась заменить Г.Г. Орлова князем Волконским. После казни бунтовщиков граф Г.Г. Орлов выехал из Москвы и 24 ноября 1771 года прибыл в Санкт-Петербург. Для императрицы ее первый фаворит Г.Г. Орлов сумевший справиться с чумой в Москве, вновь становится несравненным человеком «...который, - как она писала о нем раньше Вольтеру, - напоминает древних римлян лучших времен республики.»³⁵

При въезде в Царское Село (ныне г. Пушкин) в честь его были сооружены триумфальные мраморные ворота с надписью: «ОРЛОВЫМ ОТ БЕДЫ ИЗБАВЛЕНА МОСКВА».

По «высочайшему» повелению императрицы Екатерины II в 1771 году на Санкт-Петербургском монетном дворе была отчеканена персональная золотая медаль для награждения графа Г.Г. Орлова «За избавление Москвы от язвы в 1771 году». Штемпели для чеканки медали резал младший брат знаменитого медальера того времени Иоганна Георга Вехтера – Георг Христов Вехтер, приехавший в Россию из Германии как раз в год описываемых событий.

Медалей с надписью этого медальера немного. Они отличаются от тонкой, порой графической манеры его брата, большей массивностью и простотой композиций. Такова как раз медаль в честь Г.Г. Орлова (Рис. 3).

На лицевой стороне медали погрудное, влево обращенное изображение графа Г.Г. Орлова в парике и мантии с орденом Святого Апостола Андрея Первозванного на ленте и медальоном с портретом императрицы Екатерины II на груди. По окружности медали надпись: «ГРАФЪ ГРИГОРІЙ ГРИГОРІЕВИЧЪ ОРЛОВЪ РИМСКІЯ ИМПЕРІИ КНЯЗЬ.».

Под обрезом руки подпись медальера Г.Х. Вехтера: «G.C.WAECHTER F.».

Оборотная сторона медали представлена, характерной для большинства медалей тех лет, аллегорической композицией: граф Г.Г. Орлов изображен в одежде античного воина и в шлеме, украшенном перьями

(подобно древнеримскому герою Квинту Курцию, бросающемуся при полном вооружении в разверзшуюся пропасть ради спасения города), верхом на вздыбленном коне, развернутом в профиль; на заднем плане видна городская стена и за ней – главы соборов и церквей. По верхнему полукругу медали надпись: «РОССІЯ ТАКОВЫХЪ СЫНОВЪ ВЪ СЕБЕ ИМЕЕТЪ».

Как отмечается в некоторых источниках, первоначально надпись выглядела так: «ТАКОВА СЫНА РОССІЯ ИМЕЕТЪ», но Григорий Григорьевич увидев этот проект, сказал, что она «будет обидной для других сынов Отечества».³⁶

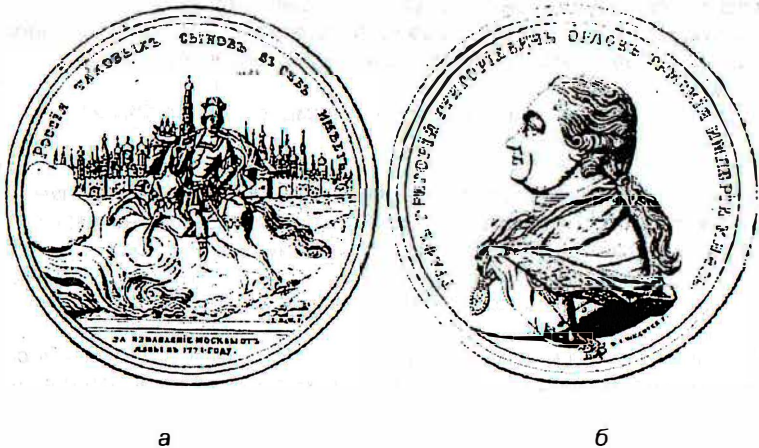

Рис. 3.
Персональная медаль Г.Г.Орлову
«За избавление Москвы от язвы в 1771 году» (1771 г.):
а - лицевая сторона; б - оборотная сторона

Внизу, под обрезом медали в две строки горизонтальная надпись: «ЗА ИЗБАВЛЕНІЕ МОСКВЫ ОТЪ ЯЗВЫ ВЪ 1771 ГОДУ». Справа над обрезом – мелкая подпись медальера: «I.G.W.F.».

Эпидемия чумы в Москве прекратилась лишь в начале 1772 года, но в некоторых местностях на Юге России «небольшие, ограниченные эпидемии» еще наблюдались.

15 ноября 1772 года «...было объявлено всенародно о прекращении заразной болезни в Москве и других городах и поэтому предписано совершить благодарственные молебствия в Петербурге, Москве и всех городах, где была и прекратилась чума...»³⁷.

Кроме тех почестей при возвращении из Москвы Г.Г. Орлов был осыпан всевозможными милостями, ему был пожалован княжеский титул, но преждее влияние на императрицу Екатерину II было уже им утрачено навсегда.

Воспользовавшись его отъездом в 1772 году в Фокшаны в качестве главы делегации в переговорах с Турцией, императрица Екатерина II приоблизила к себе юного корнета А.С. Васильчикова. При возвращении с переговоров, Г.Г. Орлов окончательно утратил свое значение при дворе, вышел в отставку, женился на своей двоюродной сестре княгине Е.Н. Зиновьевой и уехал с ней за границу на лечение.

После смерти жены от чахотки в Лозанне, в 1781 году Г.Г. Орлов стал страдать умопомешательством. (Еще в 1775 году он перенес инсульт, и хотя вскоре поправился, без последствий это не осталось).

Вернувшись в начале 1783 года из-за границы в Россию, Г.Г. Орлов 24 апреля 1783 года скончался «от сумасшествия с бешенством».

Медаль «За прекращение чумы в Одессе 1837»

С развитием судостроения (особенно с переходом в XIX веке на технологии железного производства) и интенсификацией судоходства чума стала быстро распространяться по морским портам корабельными крысами и их чумными блохами. В европейские страны чума чаще всего завозилась из Гонконга, Бомбея и других тропических городов. Распространению бацилл чумы в ту пору способствовало плохое санитарное состояние, как портов, так и самих судов.

Чумная инфекция морским путем неоднократно заносилась и в Россию, что заставляло иметь в некоторых портовых городах страны специальные карантинно-наблюдательные станции.

Одесса, как портовый город, находящийся в постоянных торговых связях со многими странами, неоднократно подвергалась опасности занесения чумы. Несмотря на соблюдавшиеся в Одесских портах предохранительные меры, предписанные карантинным уставом, чума проникала в Одессу в 1812, 1823, 1829 и 1835 годах XIX столетия. В 1837 году в Одессе вновь вспыхнула эпидемия чумы. Она была завезена торговым судном «Самсон», прибывшим в Одессу из Турции 22 сентября 1837 года.

Первые случаи заболеваний были отмечены среди членов команды «Самсона» 6 октября, а к концу месяца чума была обнаружена в предместьях города – Раскидайловке, Новой Слободке и Молдаванке, где компактно жили семейства карантинной стражи, а также в одном из домов в самом городе.

Чтобы не допустить распространения заразы, по распоряжению городских властей, зараженные и «сомнительные» дома были немедленно оцеплены. Город со всеми предместьями был разбит на кварталы, в каждый из которых были назначены комиссар и врач, в обязанности которых входило наблюдение за санитарным состоянием квартала. Все выявленные

больные и лица, имевшие с ними контакт, а также весь батальон карантинной стражи были переведены в карантин. Для предотвращения проникновения эпидемии за пределы города, по распоряжению градоначальника действительного статского советника А.И. Левшина, он был оцеплен таможенной стражей и с 22 октября 1837 года «объявлен неблагополучным». 25 октября в Одессу из Ялты прибыл Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов и «... принял в свои руки ведение дел по борьбе с заразою». ³⁸ Им были одобрены меры, принятые городскими властями, против дальнейшего распространения болезни и намечены новые.

Необходимо было в кратчайший срок выявить всех больных, переосвидетельствовать сомнительные случаи и принять дополнительные меры для пресечения эпидемии. 26 октября генерал-губернатор граф М.С. Воронцов обратился к жителям Одессы с воззванием, в котором «...указывая на постигшее их бедствие, приглашал не тревожиться, а быть готовыми к усилиям, направленным к искоренению зла». ³⁹

Для успешной работы по проведению противоэпидемических мероприятий граф М.С. Воронцов образовал «Совет врачей» из 7 человек и назначил «Медицинскую комиссию», члены которой должны были следить за ходом болезни и ежедневно информировать об этом генерал-губернатора и городские власти, освидетельствовать и переосвидетельствовать больных и умерших, присутствовать при отправке больных в карантин и др.

По распоряжению генерал-губернатора графа М.С. Воронцова число кварталов, на которые был разделен город, было увеличено до 16. В помощь комиссарам были назначены по несколько помощников из числа граждан города, с которыми они должны были ежедневно осматривать дома своего квартала. Выявленные больные и умершие, осматривались квартальными врачами. Сомнительные случаи переосвидетельствовались комиссией врачей.

Умерших от чумы хоронили на специальном «карантинном кладбище».

С 31 октября ежедневно издавались бюллетени о числе больных и умерших от чумы.

Были закрыты театры, учебные заведения, «присутственные места», лавки, погреба и др. Оставались открытыми только торговые заведения, где продавались продукты питания. В «питейных домах» была разрешена продажа спиртных напитков только «на вынос», «чарочная продажа» была запрещена.

По согласованию с архиереем Гавриилом было закрыто большинство церквей, а «для совершения самых необходимых треб – крещения и бракосочетания» осталась открытой церковь при Ришельевском лицее и, кроме того была устроена передвижная церковь при Преображенском Соборе. Горожане, при посещении церкви должны были предъявлять «свидетельства от комиссаров в том, что они не представляют опасности заражения». ⁴⁰

Вся корреспонденция до принятия в почтовую контору окуривалась, а затем отсылалась во временное почтовое отделение, устроенное за чертой оцепления, где производилось вторичное окуривание.

Для снабжения городского населения продовольствием у Тираспольской и Херсонской застав были открыты базары, где осуществлялась торговля продуктами питания и другими товарами. Снабжением продовольствием, одежной и топливом малоимущих граждан занималась, созданная по распоряжению генерал-губернатора продовольственная комиссия под председательством городского головы Ростовцова.

Для предотвращения заноса чумной инфекции в другие города страны была создана двойная кордонная линия. Первая линия состояла из таможенной стражи, вторая – из армейской пехоты. Часовые находились на близком расстоянии один от другого. Они никого не выпускали из города и имели право стрелять, если бы им «... не удалось задержать тайно прокравшихся...». ⁴¹ У застав были созданы временные карантинные пункты, в которых выезжавшие из города «...подвергались 14-дневному наблюдению и карантинному очищению». ⁴²

Таким образом, благодаря незамедлительно принятым мерам эпидемия чумы была локализована и началась работа по ликвидации ее последствий.

Самым неблагоприятным по заболеваемости районом была Молдаванка, где насчитывалось 1269 домов и 11777 жителей. По распоряжению графа М.С. Воронцова Молдаванка была разделена на десять частей и в каждую были назначены комиссары и врачи. В ходе проведенного 5 ноября «поголовного освидетельствования» всего населения Молдаванки было выявлено несколько больных чумой и трупы двух человек, умерших от чумы. Молдаванку оцепили войсками и 8 ноября вторично провели проверку и осмотр всех ее жителей. Хотя при повторном осмотре не было выявлено больных, санитарный надзор этого предместья Одессы был усилен. Молдаванка оставалась оцепленной еще три недели. Оцепление было снято только 2 декабря 1837 года.

Такие же массовые проверки и осмотры были проведены по распоряжению генерал-губернатора графа М.С. Воронцова 9 и 10 ноября во всем городе, который был разбит на 13 частей. Больных в городе не оказалось. До конца ноября в городе и Молдаванке было отмечено всего несколько случаев заболеваний, а с 5 декабря 1837 года не было зарегистрировано ни одного нового случая заболевания, но карантин не снимали.

Граф М.С. Воронцов обратился к жителям с воззванием, в котором «увещал» их соблюдать еще в течение некоторого времени все меры предосторожности и в то же время «...приступить к общему очищению всего города посредством выветривания вещей на воздухе и погружения их в воду». ⁴³

Только 24 февраля 1838 года, т.е. спустя 80 дней после последнего случая заболевания чумой, с «соизволения государя», было снято карантинное оцепление Одессы.

После «благодарственного молебствия» были открыты Херсонская и Тираспольская заставы и восстановлено сообщение города с империей. За все время эпидемии в Одессе заболели чумою 125 человек, из которых 17 выздоровели, а 108 умерли (51 мужчина и 57 женщин). На борьбу с эпидемией чумы было израсходовано 300 тыс. рублей.⁴⁴

Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов в рапорте императору Николаю I от 24 февраля 1838 года за № 2932 писал: «Всемиловитейший Государь! Бог благословил усилия наши! Мы скоро и с малым числом жертв достигли счастливого окончания постигшего нас бедствия! Считаю священным долгом – долгом драгоценнейшим для моего сердца засвидетельствовать перед лицом Вашего Императорского Величества – отцом всех Русских, что Одесса и Россия обязаны спасением своим от заразы как единодушному порыву всех жителей Одессы, помогавших во всем начальству и исполнявших все его требования, так и личным многих чиновников и граждан трудам и усилиям! Смело могу сказать, что во все время заразы я находил во всех классах и состояниях жителей ту готовность и то самоотвержение, которые нужны в подобного рода общественных бедствиях и без которых бы напрасны были все усилия начальства.

Всеподданнейше испрашиваю дозволения Вашего Императорского Величества сделать вслед за сим всеподданнейшее мое представление о награждении некоторых чиновников, медиков и граждан по объявлении другим Монаршего Вашего Императорского Величества благоволения. Смею уверить Вас, Всемиловитейший Государь, что в сем случае будут руководить мною строгая истина и безпристрастие».⁴⁵

Рис. 4.
Граф М.С. Воронцов

Для награждения лиц, оказавших действенную помощь и отличившихся во время борьбы с чумой в Одессе была учреждена медаль «ЗА ПРЕКРАЩЕНИЕ ЧУМЫ В ОДЕССЕ» (Рис. 5).

Д.И. Петерсу удалось обнаружить в архивах документы, ранее неизвестные исследователям, рассказывающие об истории учреждения этой очень редкой медали. Как следует из архивных документов, медаль была учреждена 19 апреля 1838 года «высочайшим» повелением императора Николая I, сообщенным военным министром А.И. Чернышевым министру финансов Е.Ф. Канкрину.

Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов представил в военное министерство именные списки на 440 человек. Как сообщил 19 апреля 1838 года военный министр А.И. Чернышев министру финансов Е.Ф. Канкрину необходимо изготовить на Санкт-Петербургском монетном дворе 344 золотых и 117 серебряных медалей.⁴⁶ В июне 1838 года они были отчеканены, а в сентябре этого же года медали с лентами из военного министерства были отосланы Новороссийскому и Бессарабскому «генерал-губернатору графу Воронцову и всем лицам, содействовавшим в прекращении чумы, по представленному им списку».⁴⁷

Медаль имела форму круга диаметром 28 мм. На лицевой стороне медали под императорской короной крупное изображение витиеватого вензеля имени императора Николая I. Какие-либо надписи на лицевой стороне отсутствуют. На оборотной стороне во все поле медали горизонтальная надпись в пять строк: «ЗА = ПРЕКРАЩЕНИЕ = ЧУМЫ = ВЪ ОДЕССЕ = 1837».

Рис. 5.
Медаль «За прекращение чумы в Одессе 1837 г.» (1838 г.):
а - лицевая сторона; б - оборотная сторона

Золотыми медалями награждали офицеров, купцов, врачей и медицинских чиновников, а серебряными – канцеляристов, урядников, фельдшеров и мещан. Золотые медали вручались награжденным на ленте ордена Святого Благоверного Князя Александра Невского, серебряные – на ленте ордена Святого Равноапостольного Князя Владимира, для ношения на груди в петлице пуговицы.⁴⁸

Всего было выдано награжденным 340 золотых и 117 серебряных медалей. Остальные медали, по данным Д.И. Петерса, были в марте 1841 года возвращены в военное министерство, а затем сданы монетному двору для переплавки.⁴⁹

Должностные знаки России за борьбу с чумой

11 января 1897 года «по высочайшему повелению» Императора Николая II была учреждена «Комиссия о предупреждении занесения в Империю чумной заразы и о борьбе с нею». (далее именуется – Комиссия). Председателем Комиссии был назначен принц А.П. Ольденбургский.⁵⁰

Комиссия разработала «Временные Правила о принятии мер к прекращению чумной заразы при появлении ее внутри Империи», «высочайше» утвержденные 3 июня 1897 года.

В соответствии с этими Правилами «тотчас по объявлении известной местности по отношению к чуме угрожаемую» в губерниях создавались губернские, уездные и городские «санитарно-исполнительные комиссии», которые «по объявлении известной местности по отношению к чуме неблагополучною» (т.е. зараженной – Г.К.) для надзора за здоровьем жителей разделяли города и селения на кварталы, в каждый из которых назначались Участковые Попечители из лиц всех сословий, как состоящие на государственной и общественной службе, так и не служащие. Они подчинялись Главному Попечителю зараженной местности, который назначался губернатором из гражданских или военных чинов.

При каждом Участковом Попечителе состояла команда из санитаров в количестве, соответствующем размерам квартала, с фельдшером или старшим санитаром и достаточным запасом дезинфекционных и лечебных средств.

Главный и Участковые Попечители выполняли «свои обязанности безвозмездно» (т.е. не получали жалования – Г.К.).

Для всех должностных лиц «по принятию мер к прекращению чумной заразы при появлении ее внутри Империи» были установлены особые знаки, рисунок и описание которого были «высочайше» утверждены 21 июня 1897 года.⁵¹

Знак был выполнен в форме круга диаметром 40 мм, окаймленного по краям узким выпуклым ободком (Рис. 6). В центре знака – выпуклый государственный герб. В нижней части знака помещен редкий лавровый полуветочек, на место пересечения ветвей которого положена эскулапова чаша, обвитая двумя змеями. По верхней части знака проходит надпись:

«БОРЬБА СЪ ЧУМОЮ», выполненная выпуклыми буквами. Между надписью и ветвями две звездочки.

Знаки были серебряными и темно-бронзовыми. Серебряный знак предназначался для Главных и Участковых Попечителей, а так же врачей.

Темно-бронзовый знак выдавался санитарам. Знаки носились на левой стороне груди и крепились к одежде с помощью пряжки, расположенной на оборотной стороне знака.

Рис. 6.

*Знак должностных лиц «по принятию мер к прекращению чумной заразы при появлении ее внутри империи»
(лицевая сторона)*

Они выдавались должностным лицам на период борьбы с чумой, но «... за усердную службу во время существования эпидемии указанным ... лицам, с разрешения Высочайше учрежденной Комиссии, может быть предоставлено ношение этих знаков и по окончании эпидемии».⁵²

Коваль Григорий Михайлович, полковник, старший преподаватель Академии гражданской защиты МЧС России, Действительный член Всероссийского геральдического общества, Член Геральдического Совета МЧС России, п. Новогорск, Московская область.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Чума – острая инфекционная болезнь из группы зоонозов (т.е. заболеваний, общих человеку и животным), проявляющаяся общей интоксикацией организма и характерными воспалительными процессами в железах, легких, коже и других органах. Природным источником чумной инфекции являются грызуны. Передача возбудителя от больного грызуна к здоровому происходит через эктопаразита – блоху.

² См.: Большая Советская энциклопедия. М., 1978. Т. 29. С. 258.

³ См.: Большая Советская энциклопедия. М., 1947. Т. 47. С. 476.

⁴ Там же.

⁵ Цит. по: Бужилова А. «Бысть мор велик». Чем болели в Средневековье на севере Русской равнины // Родина. 2003. № 11. С. 112.

⁶ Кафа (Каффа), название Феодосии со второй половины XIII века, переименована в 1783 году.

⁷ См.: Алиференко П. Чумный бунт в Москве в 1771 году // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 87.

⁸ См.: Беляков В.Д. Военная эпидемиология. Л., 1976. С. 15.

⁹ Цит. по: Дербек Ф.А. История чумных эпидемий в России с основания государства до настоящего времени. СПб., 1905. С. 108.

¹⁰ Цит. по: Чепурнов Н.И. Наградные медали Государства Российского. Энциклопедическое иллюстрированное издание. М., 2000. С. 98.

¹¹ Иверсен Ю.Б. Медали в честь русских государственных деятелей и частных лиц. СПб., 1880. Т. 1. С. 15.

¹² Там же. С. 16.

¹³ Цит. по: Рихтер В.Г. Медицина в нумизматике // Сборник трудов по русской военной медальистике. Париж, 1972. С. 379.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Дербек Ф.А. Указ. соч. С. 132.

¹⁶ Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 г. М., 1775. С. 63.

¹⁷ Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1773-1795. СПб., 1872. Т. 3. Ч. XV. С. 18.

¹⁸ Описание моровой язвы ... С. 123.

¹⁹ Дербек Ф.А. Указ. соч. С. 154.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. I. СПб., 1830. Т. XIX. № 13657.

²¹ Там же. № 13665.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же. № 13675.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Дербек Ф.А. Указ. соч. С. 160.

²⁹ Цит. по: Алиференко П. Указ. соч. С. 86-87.

³⁰ Описание моровой язвы ... С. 110.

³¹ Цит. по: Алиференко П. Указ. соч. С. 87.

³² Там же.

³³ Там же.

³³ Описание моровой язвы ... С. 123.

-
- ³⁴ Описание моровой язвы ... С. 123.
- ³⁵ Цит. по: Валишевский К. Вокруг трона. М., 1910. С. 15.
- ³⁶ См.: Русская старина. СПб., 1872. Кн. 5. С. 132; Валишевский К. Указ. соч. С. 15.
- ³⁷ Дербек Ф.А. Указ. соч. С. 176.
- ³⁸ Беликовский В.А., Гамалея Н.Ф. Чума в Одессе. Одесса, 1903. Т. 1. С. 90.
- ³⁹ Там же. С. 91.
- ⁴⁰ См.: Дербек Ф.А. Указ. соч. С. 304.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же. С. 306.
- ⁴⁴ Там же. С. 308, 311.
- ⁴⁵ Рапорт Новороссийского Генерал-Губернатора графа М.С. Воронцова. № 2932. 24 февраля 1838 г. // Беликовский В.А., Гамалея Н.Ф. Указ. соч. Приложение. С. 39.
- ⁴⁶ См.: Петерс Д.И. Наградные медали России XIX-XX вв. и гражданской войны. Статьи и материалы. М., 1996. С. 83.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ В коллекции наград медицинской тематики Э.Д. Грибанова, профессора, доктора медицинских наук, автора многих работ по истории медицинских наград, хранится бронзовая медаль диаметром 28 мм с надписью «За прекращение Чумы в Одессе 1837», подобная вышеописанной, но без ушка. Происхождение и предназначение этой медали неизвестно // См.: Нувахов Б.Ш., Грибанов Э.Д. Медали императорской России. (Медицина, милосердие, Красный Крест). М., 1994. С. 126.
- ⁴⁹ См.: Петерс Д.И. Указ. соч. С. 83.
- ⁵⁰ ПСЗ. Собр. III. СПб., 1900. Т. XVII. № 13689.
- ⁵¹ Там же. № 14348.
- ⁵² Там же. № 14267.